

МЫТАРСТВА МОНАХИНИ СЕРГИИ (КЛИМЕНКО)

Зимой 1923/24 года я заболела воспалением легких.

В течение восьми дней температура держалась на 40,8 градусах. Приблизительно на девятый день болезни я видела знаменательный сон.

Еще в самом начале, в полузабытьи, когда я силилась творить Иисусову молитву, меня отвлекали видения — прекрасные картины природы, над которыми я словно плыла. Когда я вслушивалась в музыку или засматривалась на чудесные пейзажи, оставляя молитву, меня потрясала с ног до головы злая сила, и я быстро принималась за молитву. По временам приходила в себя и видела отчетливо всю окружающую меня обстановку.

Вдруг около моей кровати появился мой духовник, иеромонах Стефан. Он, взглянув на меня, сказал: «Пойдем». Памятуя всем сердцем учение Церкви относительно опасности доверия к видениям, я стала читать молитву «Да воскреснет Бог...» Прослушав ее с тихой улыбкой, он сказал: «Аминь» — и словно взял меня с собой куда-то.

Мы очутились как будто в недрах земли, в глубоком подземелье. Посреди протекал бурный поток с черной водой. Я подумала о том, что бы это означало. И в ответ на мою мысль отец Стефан без слов, мысленно мне ответил: «Это мытарство за осуждение. Осуждение никогда не прощается».

В глубоком потоке я увидела мою знакомую, еще в то время живую. С ужасом взмолилась я о ней, и она как бы вышла сухая. Смысл виденного был такой: если бы она умерла в том состоянии, в каком была в то время, она бы погибла за грех осуждения, не покрытый покаянием. (Она, бывало, говорила, что детей в целях отвращения от греха надо при-

учать осуждать дурно поступающих людей). Но так как час смертный ее не настал, то она сможет великими скорбями очиститься.

Мы пошли к истоку ручья вверх и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Чувствовалось, что за этими воротами мрак и ужас... «Что же это?» — подумала я. «Там мытарства за смертные грехи», — мысленно ответил мне ведущий. Слов между нами не было. Мысль отвечала на мысль непосредственно.

От этих ужасных, закрытых наглухо врат мы повернули обратно и словно поднялись выше. (К сожалению, я не помню всей последовательности виденного, хотя все видения передаю совершенно точно).

Мы оказались словно в магазине готового платья. На вешалках кругом висело много одежды. Было нестерпимо душно и пыльно. И тут я поняла, что эти платья — мои мысленные пожелания хорошей одежды в течение всей жизни. Здесь же я видела свою душу словно распятую, повешенную на вешалке, как костюм. Душа моя точно претворилась в платье и пребывала, задыхаясь в скуке и томлении. Другой образ страдающей души был здесь в виде манекена, посаженного в клетку и тщательно модно одетого. И эта душа задыхалась от пустоты и скуки тех суетных тщеславных желаний, которыми тешилась в жизни мысленно.

Мне стало понятно, что в случае моей смерти здесь бы мучилась, томясь в пыли, моя душа.

Но отец Стефан провел меня дальше. Я увидела как бы прилавок с чистым бельем. Две мои родственницы (в то время еще живые) без конца перекладывали с места на место чистое белье. Ничего особенно ужасного как будто эта картина не представляла, но на меня повеяло опять невероятной скукой, томлением духа. Я поняла, что такой

бы была загробная участь моих родственниц, если бы они к этому времени умерли; они не совершили смертных грехов, были девицы, но не заботились о спасении, жили без смысла, и эта бесцельность перешла бы вместе с их душами в вечность.

Затем я увидела словно класс, наполненный солдатами, с укором глядевшими на меня. И тут я вспомнила о своей недоконченной работе: одно время мне пришлось заниматься с увечными воинами. Но потом я уехала, не отвечала на их письма и запросы, оставив их на произвол судьбы в трудное переходное время первых годов революции...

Затем меня окружила толпа нищих. Они протягивали ко мне руки и говорили умом, без слов: «Дай, дай!» Я поняла, что этим бедным людям я могла бы помочь при жизни, но почему-то не сделала этого. Непередаваемое чувство глубокой виновности и полной невозможности оправдать себя наполнило мое сердце.

Мы пошли дальше. (Еще я видела свой грех, о котором никогда не думала, — неблагодарность по отношению к прислуге, именно то, что труд ее принимала как нечто должное. Но образ виденного забылся, остался в памяти только смысл). Должна сказать, что передавать виденные образы мне очень трудно: они не улавливаются словами, грубея, тускнея.

Вот путь нам загородили весы. На одну чашу сыпались непрерывным потоком мои добрые дела, а на другую падали с шумом и разлетались вокруг с сухим треском пустые орешки: это был символ моего тщеславия, самоценения. По-видимому, эти чувства вполне обесценили все положительное, так как чаша с пустыми орешками перевесила. Добрых дел без примеси греха не оказалось. Ужас и тоска охватили меня. Но вдруг откуда-то упал на чашу пирог или кусок торта, и правая сторона перевесила.

(Мне показалось, что кто-то мне дал «взаймы» свое доброе дело).

Вот остановились мы перед горою, горою пустых бутылок, и я с ужасом осознала, что это образ моей гордости, пустой, напыщенной, глупой. Ведущий подумал мне в ответ, что если бы я умерла, то на этом мытарстве мне пришлось бы как бы открывать каждую бутылку, что составило бы непосильный и бесплодный труд.

Но тут отец Стефан взмахнул словно каким-то гигантским штопором, изображавшим собою благодать, и все бутылки разом открылись. Я, освобожденная, пошла дальше.

Надо прибавить, что я шла в иноческой одежде, хотя в то время только готовилась к постригу.

Старалась я ступать по следам духовника, и если же ступала мимо, то вылезали змеи и старались ужалить меня.

Духовник вначале был в обычном монашеском одеянии, превратившемся потом в царственную пурпурную мантию.

Вот подошли мы к бушующей реке. В ней стояли какие-то злые человекообразные существа, бросающие друг в друга с неистовой злобой толстые бревна. Увидев меня, они завопили с какой-то ненасытной злобой, пожирая меня глазами и стремясь наброситься на меня. Это было мытарство гнева, проявленного, несдержанного. Оглянувшись, я заметила, что за мной ползет слюна, величиной с человеческое тело, но без форм, с лицом женщины. Никакими словами не могу я передать ненависть, сверкавшую в ее неотступно смотревших на меня глазах. Это была моя страсть раздражительности, словно тождественная бесу раздражительности. Надо сказать, что я ощущала там свои страсти, которые развила и раскормила в жизни, как нечто единое с бесами, их возбуждающими.

Эта слюна все время хотела обвить и задушить меня, но духовник отклонял ее, мысленно говоря: «Еще она не умерла, может покаяться». Неотступно, с нечеловеческой злобой глядя на меня, она ползла за мной почти до конца мытарств.

Затем мы подошли к запруде, или плотине, в виде как бы вала со сложной системой трубочек, через которые просачивалась вода. Это был образ моего гнева сдержанного, внутреннего, символ многообразных мысленных злобных построений, имевших место только в воображении. Если бы я умерла, то мне бы пришлось словно через все эти трубочки протискиваться, процеживаться с невероятными муками. Опять чувство страшной безответной виновности охватило меня. «Еще не умерла», — подумал отец Стефан и увел меня дальше. Долго еще вслед мне неслись вопли и бешеный плеск из реки — гнева.

После этого мы опять словно поднялись выше и попали в какое-то помещение. В углу, как бы отгороженном, стояли какие-то чудовища, безобразные, потерявшие образ человеческий, покрытые и насквозь пропитанные каким-то отвратительным срамом. Я поняла, что это мытарства за непристойность, похабные анекдоты, неприличные слова. Я с облегчением подумала, что в этом-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища ужасными голосами заговорили: «Наша, наша!» И мне с поразительной отчетливостью вспомнилось, как я, будучи десятилетней гимназисткой, писала в классе с подружкой какие-то глупости на бумажках. И опять та же безответность, связанная с глубочайшим сознанием виновности, охватила меня. Но ведущий с теми же мысленно произнесенными словами: «Еще не умерла» — отвел меня. Поблизости, словно при выходе из этого отгороженного закоулка, я увидела свою душу в виде фигурки, заключенной в стек-

лянную баночку. Это было мытарство за гадание. Я почувствовала тут, как унижает, умаляет бессмертную душу гадание, превращая ее словно в безжизненный лабораторный препарат.

Далее в противоположном углу, как бы сквозь окна, ведущие в соседнее нижнее помещение, я увидела бесчисленное множество кондитерских изделий, расставленных рядами: это были съеденные мною сласти. Хотя бесов я здесь не видела, но от этих заботливо собранных в течение моей жизни проявлений чревоугодия веяло бесовским ехидством. Я должна была бы снова все это поглощать, уже без наслаждения, но как бы под пыткой. Потом мы прошли мимо бассейна, наполненного беспрестанно вращающейся раскаленной, словно расплавленной, золотистой жидкостью. Это было мытарство за мысленно-извращенное сладострастие. Лютой мукой веяло от этой расплавленной движущейся жидкости.

Затем я увидела душу моего знакомого (еще не умершего) в виде чудесного по цвету и нелепого по форме цветка. Он состоял из дивных розовых лепестков, сложенных в длинную трубочку: ни стебля, ни корня не было. Духовник подошел, обрезал лепестки и, глубоко всадив их в землю, сказал: «Теперь принесет плод».

Неподалеку стояла душа моего двоюродного брата, вся насквозь заложенная военной амуницией, словно души-то, собственно, и не было. Брат этот очень любил военное дело ради него самого, не признавал никаких других занятий для себя.

После этого мы перешли в другое, меньшее помещение, в котором стояли уроды: гиганты с крошечными головками, карлики с огромными головами. Тут же стояла я в виде огромной мертвой монахини, словно деревянная. Все это были символы людей, проводивших самочинно-подвижническую

жизнь, без послушания и руководства: у одних преобладал телесный подвиг, у других была слишком развита рассудочность. В отношении себя я поняла, что будет время, когда я оставлю послушание духовнику и умру духовно. (Так и случилось, когда в 1929 году я, нарушив советы отца Стефана, ушла в раскол, не желая признавать митрополита Сергия, будущего Патриарха. Отломившись от древа жизни, я действительно внутренне высохла, омертвела и только по заступничеству Пресвятой Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно Церкви.) Ноги мои словно пристыли к полу, но после горячей молитвы к Божией Матери снова получила возможность идти дальше за отцом Стефаном. Это было не мытарство, а как бы образ будущих моих уклонений от правильного пути ко спасению.

Потом потянулся ряд огромных пустых храмов, по которым мы утомительно долго шли. Я еле передвигала ноги и мысленно спросила отца Стефана о том, когда же кончится этот путь. Он сейчас же мысленно ответил мне: «Ведь это твои мечты, зачем столько мечтала?» Храмы, через которые мы проходили, были очень высокие и красивые, но чуждые Богу, храмы без Бога.

По временам стали встречаться аналои, перед которыми я, становясь на колени, исповедовалась, в то время как ведущий, ожидая, стоял рядом. Первый священник, которому я исповедовалась, был отец Петр (наш соборный протоиерей, у которого я действительно и исповедовалась первый раз после этого сновидения). Далее я не видела во время исповеди духовника, но исповедовалась часто у аналоев. Все это мне говорило о моей предстоящей жизни, о спасении через частое Таинство исповеди.

Вдруг мы услышали как бы барабанный бой и, оглянувшись, увидели в стене справа икону святителя Феодосия Черниговского, который мне слов-

но напоминал о себе. Святитель стоял в кивоте во весь рост, живой. Я вспомнила, что в последнее время перестала ему молиться.

Затем, когда мы пошли дальше, навстречу нам вышел святитель Николай Мирликийский. Он был весь розовый и золотой, как лепесток розы, пронизанный золотистыми лучами солнца. Моя душа содрогнулась от соприкосновения со святыней, и я в ужасе бросилась ниц. Заныли мучительно все язвы душевные, словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Лежа ниц, я между тем видела, как святитель Николай поцеловал духовника в щеку... Мы пошли дальше.

Вскоре я почувствовала, что Матерь Божия может спуститься к нам. Но моя немощная грехолюбивая душа заметалась отчаянно от невозможности непосредственного общения со святыней.

Мы пошли и почувствовали, что близко выход. Почти у самого выхода я увидела мытарство одного моего знакомого, а по выходе — одну монахиню, которую словно подбрасывали на доске вверх. Но здесь чужие грехи не привлекали совершенно моего внимания.

Потом мы вошли в храм. Притвор был в тени, а главная часть храма — залита светом.

Высоко в воздухе около иконостаса стояла стройная фигура девушки необычайной красоты и благородства, облеченная в пурпурную мантию. Овальным кольцом в воздухе окружали ее святые. Эта дивная девушка показалась мне необычайно знакомой, родной, но я тщетно силилась вспомнить, кто она: «Кто ты, милая, родная, бесконечно близкая?» И вдруг что-то внутри мне сказала, что это моя душа, данная мне Богом, душа в том девственном состоянии, в каком она была из купели крещения: образ Божий в ней не был еще искажен. Окружали ее святые заступники, не помню, кто

именно, — один, помнится, был словно в древних святительских одеждах. Из окна храма лился чудный свет, озаряя все кротким сиянием. Я стояла и смотрела, замирая.

Но тут из сумеречной тени притвора ко мне подошло ужасное существо на свиных ногах, развратная баба, безобразная, низкая, с огромным ртом, с черными зубами поперек живота. О, ужас! Это чудовище была моя душа в настоящем ее состоянии, душа, искажившая образ Божий, безобразная.

В смертной безысходной тоске затрепетала я. Чудовище как бы хотело прильнуть ко мне со злорадством, но ведущий отстранил меня со словами: «Еще не умерла», — и я в ужасе устремилась за ним к выходу. В тени, вокруг колонны, сидели и другие подобные уроды — чужие души, но не до чужих грехов мне было. Уходя, я оглянулась и опять с тоской увидела в воздухе, на высоте иконостаса, ту родную, близкую и давно забытую, утерянную...

Мы вышли и пошли по дороге. И тут как бы стала изображаться моя предстоящая земная жизнь: я увидела себя среди старинных, занесенных снегом монастырских построек. Меня окружили монахини, словно говоря: «Да, да, хорошо, что пришла». Подвели меня к игумену, тоже приветствовавшему мое прибытие. Но я почему-то страшно не хотела оставаться там, сама себе удивляясь во сне, так как в этот период жизни (перед болезнью) уже стремилась к монашеству. Потом как-то мы вышли оттуда и очутились на пустынной дороге. Около нее сбоку сидел величественный старец с большой книгой в руках. Мы с духовником стали перед ним на колени, и старец, вырвав лист из книги, подал его отцу Стефану. Тот взял его и — исчез. Я поняла — умер. Исчез и старец. Я осталась одна. В недоумении, со страхом я пошла вперед, дальше по пустынной песчаной дороге. Она привела меня к озеру.

Был закат. Откуда-то доносился тихий церковный звон. На берегу озера стеной стоял бор. Я остановилась в полном недоумении: дороги не было. И вдруг, скользя над землей в воздухе, передо мной явилась фигура духовника. В руках у него было кадило, и он строго смотрел на меня. Двигаясь в сторону леса лицом ко мне, он кадил и словно звал меня. Я последовала за ним, не спуская с него глаз, и вошла в чашу леса. Он скользнул сквозь стволы деревьев, как призрак, и все время кадил, неотступно глядя на меня. Мы остановились на полянке. Я опустилась на колени и стала молиться. Он, бесшумно скользя вокруг полянки и не спуская с меня строгих глаз, покадил ее всю и исчез — я проснулась.

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату слышала дыхание спящей родственницы. Сознательно не желая продолжения сновидения, я читала молитву, но снова против воли словно уходила из себя.

Когда я теперь окончательно проснулась, то ясно поняла, что умираю, и тут всю свою жизнь ощутила как бесцельную, не приготовившую меня к вечности.

«Даром, даром прожита жизнь», — твердила я и с горячей молитвой приникла к Царице Небесной, дабы Она испросила мне время на покаяние. «Обещаю жить для Сына Твоего», — вылилось из глубины моего сердца. И в тот же момент словно благодатной росой обдало меня. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни.

Сквозь ставни, в щели, я увидела звезды, зовущие меня к новой, обновленной жизни...

Наутро врач констатировал мое выздоровление.

(монахиня Сергия (Клименко), «Минувшее разворачивает свиток», М., «КАЗАК», 1998. С. 85–95).